

The background is a detailed illustration of a warm, sunlit interior. A large window on the left shows a cityscape at sunset. On the blue wall, two round analog clocks are mounted. A green leather bag with a white strap sits on a wooden table. In the foreground, an open book lies on the table next to a cup of coffee and a pencil holder. A green sweater is draped over a chair in the lower left.

Игорь Орлав Расстояние в один часовой пояс

КодМЫ

Современный
любовный роман

Игорь Орлав

Расстояние в один часовой пояс

<https://litres.ru/74567548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Переводчица Нина и инженер Павел знакомятся, спасая от дождя стулья на кинопоказе в Казани. Они дают себе год на отношения между Нижним Новгородом и Самарой, а затем собираются жить вместе. Приезды, ужины по телефону, два циферблата на стене — всё будто идёт по плану. Только каждый готовит общее будущее в своём городе. Когда срывается долгожданная поездка, а работа открывает новые возможности, приходится выяснять, о чём они на самом деле договорились.

Содержание

1. Складной стул	4
2. Вторая половина субботы	10
3. Не про запас	16
4. До следующего сентября	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Игорь Орлав

Расстояние в один часовой пояс

1. Складной стул

Нина перевернула стул вверх ножками, чтобы вытряхнуть воду, и получила холодную струю в рукав. Больше всего её рассердило, что дождь начался ровно тогда, когда она наконец села. До этого он терпеливо ждал, пока она найдёт двор, купит билет, выберет место подальше от колонок и пристроится на коленях бумажный пакет с пирогом.

Теперь пакет размокал в сумке, а девушка у переносного проектора звала всех под крышу. Над Казанью ещё оставалась светлая полоса неба, однако из неё лило так уверенно, будто дождь назначили заранее и только зрителям забыли сообщить.

— Эти внутрь? — спросила Нина, подняв свой стул.

— Вон туда, пожалуйста! В большой зал! — Девушка махнула рукой и бросилась накрывать коробку с проводами.

Под навесом уже теснились люди. Кто-то смеялся, кто-то проверял телефон, двое держали над собой афишу. Нина протиснулась мимо, но стул зацепился за дверной косяк.

Она повернула его боком — безрезультатно. В этот момент снаружи показался мужчина с тремя такими же стульями.

— Ваш надо чуть сложить, — сказал он.

— Я пробовала. Он против.

Мужчина поставил свою охапку. На висках у него темнела мокрая седина, хотя лицо было молодым; вода стекала с чуть неровного носа. Он нажал на перекладину, подождал, пока Нина переставит пальцы, и стул сложился так легко, что ей захотелось объяснить, почему у неё не вышло.

Но мужчина уже подхватил остальные.

В зале пахло пыльными шторами и нагретым деревом. Вдоль стены стояли столы для каких-то дневных занятий, на подоконнике сохли глиняные чашки. Они отнесли стулья к дальней стене, вышли за следующими. Дождь прибивал к плитке мелкие листья. Нина в последний момент заметила на одном сиденье тканевую сумку и сунула её под куртку.

— Чья? — крикнула она под навесом.

Пожилая женщина быстро шагнула к ней, обеими руками прижала сумку к животу и только потом сказала спасибо. Нина увидела на её шее цепочку для очков, очень похожую на свою, семинарскую, которую утром сняла: цепочка придавала ей вид строгой руководительницы, а руководить она сюда не приезжала.

Когда последние стулья были внесены, мокрый мужчина разглядывал зал, словно искал место, где никому не помещает. Нина отвела взгляд от тёмного пятна на его рубашке

и полезла в сумку. Достала пачку салфеток, две выдернула себе, остальные протянула ему.

— Это вам за примирение со стулом.

— Павел, — сказал он, принимая пачку.

— Нина.

Они вместе промокнули сиденья. Павел сперва взялся за соседнее, потом остановился:

— Здесь можно?

Она подвинула сумку с уцелевшим пирогом.

Показ обещали начать через двадцать минут. Большой экран внесли трое; полотнище цеплялось за плечи, один человек всю дорогу шёл спиной. Нина невольно привстала помочь, но Павел покачал головой:

— Там сейчас четвёртый окажется лишним.

Она села. После дня, проведённого на переводческом семинаре, было приятно, что хотя бы экран не нуждался в её суждении. Там один и тот же абзац обсуждали сорок минут. Нине абзац казался удачным, но она никак не могла объяснить это, не обидев женщину, которая перевела его иначе. Под конец обе говорили слишком громко и уже не слушали ни друг друга, ни немецкий текст.

— На работе поссорились? — спросил Павел.

Нина посмотрела на него.

— Вы сейчас вслух сказали: «Зато экран хороший».

Она засмеялась, прикрыв лицо салфеткой.

— Не поссорились. Слишком долго выясняли, что хотел

сказать один человек. Думаю, он бы нас всех выгнал.

Павел не спросил, какой человек. Она сама рассказала про семинар, потом про книгу, которую переводила в Нижнем Новгороде. В книге героиня возвращалась в дом детства и обнаруживала, что кладовка, которой она боялась, размером с платяной шкаф. Нина никак не могла подобрать слово для звука ключа в замке: по-русски замок упорно звучал грознее, чем требовалось.

— А вы ключом попробовали? — спросил Павел.

— У меня другой замок.

Он кивнул с такой серьёзностью, что она не сразу поняла, шутит ли он.

— Я инженер, — пояснил он. — У нас тоже иногда предлагают попробовать на том, что есть под рукой. А потом выясняется, что проверили совсем другое.

Он приехал из Самары по рабочим делам; в субботу до обеда ещё оставалась встреча, а вечером воскресенья соби-рался домой. Делал приспособления для испытаний — не огромные машины, какие Нина немедленно вообразила, а то, что позволяло закрепить нужную деталь и проверить её определённым образом.

— Значит, вы знаете, как всё должно держаться?

— Иногда знаю, как сделать, чтобы люди могли спокойно работать.

Перед ними опустилась на стул женщина с найденной сумкой. Она оглянулась, узнала Нину и достала два малень-

ких яблока.

— Со своего участка. Возьмите, пожалуйста.

Отказаться не получилось. Павел положил яблоко на ладонь, и оно показалось совсем небольшим между его длинными пальцами. В зале погасили верхний свет. Нина аккуратно завернула свой плод в сухую салфетку, чтобы не греметь им в сумке.

Фильм был старый, чёрно-белый, про двух соседей, которым никак не удавалось разъехаться. Нина сначала слушала произношение, по привычке мысленно переводила вывески, потом перестала. У Павла был негромкий смех, короткий, словно он хотел успеть услышать следующую реплику. В середине фильма Нина заметила, что сама ждёт именно тех эпизодов, которые смешат его.

Когда включили свет, дождь уже закончился. Они помогли раздвинуть стулья, чтобы могла пройти уборщица, и вместе вышли за ворота. Нина не знала, где находится гостиница Павла, и боялась спросить: от ответа зависело, сколько ещё они смогут идти рядом. Поэтому спросила, понравился ли ему финал.

— Понравилось, что сосед забрал свою лестницу, — сказал он. — Его сначала будто забыли.

— Я думала, вы скажете про поцелуй.

Павел посмотрел на неё. Под фонарём были хорошо видны серые пряди у висков, мокрый воротник и спокойные глаза.

— Про поцелуй тоже могу, — сказал он. — Только сначала надо где-нибудь высохнуть.

На углу они остановились. Обоим было в разные стороны.

Нина достала телефон раньше, чем успела придумать достойный повод обменяться номерами. Павел не стал придумывать его за неё. Продиктовал номер, дождался короткого вызова и записал её имя.

— Завтра после обеда я свободен.

— Я тоже. Если семинар не решит, что без меня не справится с последним предложением.

— Напишите, когда справится?

Нина пообещала. У гостиницы она обнаружила в сумке маленькое яблоко и съела его прямо на ступенях, не поднимаясь в номер. Пирог пострадал гораздо сильнее, однако выбрасывать его не хотелось. Она была голодна и почему-то совершенно не устала.

2. Вторая половина субботы

К двум часам Нина перестала слышать последние выступления. Это раздражало: за семинар она заплатила сама, специально освободила три дня и приехала за разговором, которого ей недоставало за рабочим столом. Теперь же в блокноте между замечаниями о временах глагола возникало неуместное «после обеда».

Павел написал первым: «Закончил. Не торопитесь». Именно после этого торопиться стало особенно трудно.

Они встретились возле булочной. Павел был в сухой светлой рубашке, с тонкой курткой через руку; без дождя он выглядел несколько строже. Нина подумала, что сейчас они могут обнаружить полное отсутствие общих тем. Вчера им помогали стулья, экран и чужой фильм. Сегодня предстояло самим распорядиться целым днём.

— Вы обедали? — спросил он.

— Нет. Я на семинаре съела четыре печенья, но, кажется, они были частью обучения.

Он открыл перед ней дверь булочной, и первая необходимая тема нашлась.

Ели у окна, тесно сдвинув локти на круглом столике. Нина рассказывала, как один из участников принёс на разбор собственное предисловие вместо перевода и сорок минут делал вид, что не понимает разницы. Павел спросил не про само-

уверенного участника, а про то, зачем ей понадобился семинар, если она уже работает с книгами. Она сперва ответила привычно: учиться всегда полезно. Потом объяснила иначе.

— Когда долго сидишь одна, у каждого неудачного предложения получается твой голос. Нужен человек, который скажет: тут нормально, иди дальше. Или наоборот.

Павел крошил пальцами край пирожка, не замечая этого. Нина ждала, что он предложит созвон с коллегами, форум или ещё какой-нибудь способ устроить всё удобнее. Он только спросил:

— Дома у вас есть такой человек?

— Алина. Мы работаем с одним издательством. По средам читаем друг другу вслух. Иногда находим ошибку, иногда просто едим всё, что лежит в редакционной кухне.

— У нас на кухне читать нельзя. Вадим решит, что это новые требования к испытаниям, и попросит копию.

Он рассказал про мастерскую и недавний переезд в новое помещение. Больше всего хлопот оказалось не с оборудованием, а с общим шкафом: никто не хотел складывать в него личные кружки. Каждому казалось, что его обязательно разобьют или унесут. В итоге кружки стояли по всем столам, а шкаф до сих пор был пустой.

— И ваша тоже на столе?

— Конечно.

Нине понравилось, что он не поставил себя отдельно от остальных.

После обеда они зашли в магазин старых книг. На улице снова накрапывало, и заход был сначала совершенно практическим. Между путеводителями Павел нашёл открытку с узким двором, аркой и балконом, на котором стояли три горшка. На обороте кто-то давно написал только адрес — вероятно, того самого двора. Никакого послания, имени или даты.

Нина купила открытку.

— Надо посмотреть, остались ли горшки.

Продавец предупредил, что этот дом могли перестроить. Он попытался объяснить путь, но, дойдя до второго поворота, сам перестал быть уверен и извинился. Нина убрала открытку в блокнот. Павел нашёл улицу на карте и убрал телефон в карман.

Двор оказался дальше, чем думала Нина. По дороге она дважды останавливалась у витрин, один раз — чтобы перевязать шнурок. Павел всякий раз ждал рядом. Не подгонял и не пытался занять её разговором, пока она нагибалась. У него был размашистый шаг, но он довольно быстро подстроился под её темп, и она заметила это только на подъёме.

— Вы можете идти быстрее, — сказала она.

— Могу. Зачем?

Она не нашла с ответом и рассказала про свой недавний спор с заказчиком. Тот хотел, чтобы инструкция к настольной лампе звучала дружелюбнее, хотя Нина уже убрала из неё почти все повелительные формы.

— Я ещё ни разу не поссорился с инструкцией к лампе,

— сказал Павел.

— Просто вам не попадалась моя первая версия.

Нужный номер они нашли на невысоком здании. Арка была на месте, но за ней вместо двора с балконом стояла светлая пристройка. К её двери вели три новых бетонных ступени. На ступенях сохла половая тряпка, прижатая пустым ведром. Ни горшков, ни старых окон не осталось.

Нина достала открытку, повертела её, попробовала отойти к стене.

— Может, с другой стороны?

Павел взял карточку и сравнил верх арки с фотографией.

— Нет, отсюда. Вот этот выступ сохранился.

Из пристройки вышел мужчина в жилете и спросил, кого они ищут. Нина показала ему открытку. Мужчина долго рассматривал её, потом позвал женщину изнутри. Она тоже посмотрела, пожала плечами: давно всё перестроили, задний корпус снесли, теперь здесь склад.

Когда они снова остались вдвоём, Нина почувствовала неловкость. Это она увела его через полгорода к ведру и тряпке.

— Ничего интересного, — сказала она.

Павел вернул открытку.

— Мне понравилась дорога.

Не добавил ничего утешительного, и оттого она ему поведала. Они постояли ещё немного. Вода капала с края тряпки, на крыше пристройки воробьи возились возле вентиля-

ционной трубы. Нина сфотографировала двор точно с того места, откуда был сделан старый снимок, и отправила фотографию Павлу.

— Теперь у вас доказательство, куда я вас завела.

— Сохраню. В следующий раз моя очередь выбирать.

Они вернулись другой дорогой и к вечеру оказались возле реки. Ветер растрепал Нинины короткие волосы. Она спрятала руки в рукава, Павел предложил зайти погреться, но она отказалась: хотелось ещё пройтись. Тогда он просто стал с той стороны, откуда дуло.

Они говорили о кинотеатрах, в которых бывали детьми, о нелепых названиях улиц, о том, почему хлеб, принесённый домой горячим, никогда не доживает до ужина. Потом долго молчали, глядя на воду. Нина привыкла заполнять паузы и сейчас с удивлением обнаружила, что ей не хочется проверять, скучно ли ему.

Возле её гостиницы Павел спросил, когда она уезжает.

— Завтра вечером. А вы?

Он назвал своё время, посмотрел на её экран с билетом и уточнил:

— Мы сейчас оба смотрим местное? У меня телефон любит напоминать про Самару.

— У вас на час больше?

— Да. Но завтра ещё почти весь день наш.

Слово «наш» было сказано без нажима. Нина почувствовала, как улыбается, и перестала пытаться сдержать улыбку.

— Давайте завтракать вместе.

Она поднялась в номер, положила открытку рядом с гостиничным чайником и отправила Алине фотографию нового двора. Та ответила: «На семинаре всё так плохо?» Нина написала: «Нет. Очень удачная суббота». Больше пока рассказывать не хотелось. Она открыла чемодан, достала завтрашнюю блузку и впервые за поездку внимательно посмотрела на себя в зеркало.

3. Не про запас

В воскресенье у Павла не вышло заказать обычную яичницу. Нина взяла завтрак, которого он не знал, предложила попробовать, и он обнаружил, что уже десять минут ест с её тарелки, забыв про свою. Это было непривычно. Он не любил, когда без спроса брали его еду, и всегда считал эту мелочь достаточно важной, чтобы не скрывать. Сейчас же сам подвинул ей свою тарелку и спросил, не надо ли ещё хлеба.

За соседним столиком мальчик последовательно перекладывал помидоры к отцу. Отец столь же молча возвращал их обратно. Павел заметил, что Нина следит за ними, и они одновременно отвернулись, чтобы не рассмеяться.

— У сестры сын так делал, — сказал он. — Теперь выбирает только зелёные части. Считает, что это взрослый подход.

Племяннику Лёве было девять. Вера жила недалеко от Павла, они иногда встречались среди недели, иногда не виделись по полмесяца. У каждого хватало своих дел. Лёва любил разбирать всё, что можно было открыть отвёрткой, и Павел однажды принёс ему сломанный будильник, заранее вынув батарейку. На следующий день получил обратно коробку деталей с запиской: «Пока не получилось».

Нина попросила показать фотографию записки. Павел нашёл её не сразу; пришлось пролистать снимки рабочего сто-

ла, квитанцию и несколько почти одинаковых видов неба. Она не заглядывала, пока он искал, смотрела в окно. Он впервые за утро подумал, что через несколько часов они разъедутся, и спрятал телефон медленнее, чем требовалось.

Они забрали вещи из гостиниц. У Нины была зелёная сумка с одной светлой ручкой. Павел предложил понести, но она сказала, что пока удобно самой. Он взял свой рюкзак. Через квартал Нина без объяснений передала ему сумку, а сама застегнула куртку. Светлая ручка оказалась мягче второй.

— Меняли? — спросил он.

— Да. Родная оторвалась. В мастерской сказали, точно такую же не найдут. Я сначала хотела купить новую сумку, потом решила, что это глупо.

На самом деле она два вечера выбирала сумку, которую могла бы считать достаточно похожей на старую. Рассказывать такое человеку, знакомому второй день, было немного стыдно. Однако Павел перевернул ручку, посмотрел шов и сказал, что теперь будет легче узнавать свою.

В маленьком сквере они сели на скамью. Нина достала открытку, чтобы она не помялась среди вещей, и вложила в книгу. Павел спросил, что она читает. Разговор опять вернулся к работе, но теперь Нина не перечисляла забавные случаи. Она объясняла, почему отказывается от некоторых заказов, хотя деньги за них предлагают быстрее и понятнее, чем за прозу.

— Мне жалко времени, — сказала она. — А потом я его

всё равно трачу. Могу три часа выбрать слово и ещё час обижаться на себя, что выбирала три часа.

— Зато выбрали?

— Иногда оставляю первое.

Павел усмехнулся. У него были такие дни с чертежами, только в отличие от Нины он видел, что получается дальше: вещь попадала в руки людям, и сразу становилось ясно, удобно ли с ней работать. Он рассказал о новом проекте, который собирались начать осенью. Предстояло придумать несколько приспособлений под задачи мастерской и довести их до рабочего состояния; закончить рассчитывали к следующему сентябрю.

— Долго, — сказала Нина.

— Там не всё сразу. И мне нравится, с кем будем делать.

Она спросила про этих людей. Павел удивился, как много смог рассказать: про Дашу, которая никому не позволяла трогать её карандаши, про молчаливого Илью, способного одним замечанием остановить спор, про Вадима, который сердился, когда ему приносили только проблемы, но без проблем тоже начинал волноваться. Обычно после слов «испытательные приспособления» собеседники вежливо меняли тему. Нина слушала и уточняла, кто из них держит кружку в пустом шкафу.

— Никто, — признался Павел. — Я же говорил.

— Проверяла, не сдался ли кто-нибудь за сутки.

Он потянулся к её руке. Нина была без перчаток, пальцы

чуть замёрзли. Она не посмотрела на их руки, только подвинулась ближе. Так они сидели, пока на свободный край скамьи не опустился человек с крупной собакой. Собака сразу положила голову Павлу на колено, решив вопрос знакомства быстрее хозяина.

Им пришлось встать. Они смеялись, отряхивая шерсть, и под аркой, где не было ветра, Павел остановился. Нина посмотрела ему в лицо снизу вверх. Вблизи её скулы казались ещё шире, а глаза — серьёзнее, чем минуту назад. Он коснулся её щеки, дал время отстраниться. Она сама приблизилась, и поцелуй получился коротким, почти осторожным. После него они не сразу вышли из арки.

— Я не умею делать вид, что это просто приятный день, — сказала Нина.

Павел всё ещё держал её ладонь.

— Я тоже не собирался.

Она помолчала, глядя на пуговицу его куртки. До сих пор ей казалось, что она говорит прямо, когда дело касается её самой. Теперь выяснилось: перевод чужого резкого признания давался гораздо легче.

— Я не хочу собирать такие выходные про запас, — сказала она наконец. — Приехали, погуляли, потом каждый живёт отдельно и считает, что у него кто-то есть. Не знаю, понятно ли объясняю.

Павел понял. Но обещать переезд после двух дней было бы неправдой, и ему не хотелось, чтобы их первый серьёзный

разговор начался с удобной неправды.

— Можно я сначала приеду к вам? В обычные дни. Вы будете работать, я тоже привезу кое-что. Посмотрим, как нам, когда не надо искать старые дворы.

— Можно, — сказала Нина. — Только у меня тесно.

— Мне не нужен отдельный кабинет.

— А отдельная тарелка?

Он засмеялся и снова поцеловал её, на этот раз не торопясь.

На вокзале они купили воды и бутерброды в дорогу. Нина дважды проверила, вернула ли билет в нужный карман, хотя билет был в телефоне. Павел заметил, но промолчал. Его отъезд был раньше. Перед проходом он вернул зелёную сумку и спросил, можно ли позвонить завтра.

— Можно сегодня, когда устроитесь, — ответила она. — Только коротко. Я наверняка буду сидеть среди чужих людей и разговаривать не своим голосом.

Так и вышло. Вечером Нина говорила тихо, слишком вежливо, глядя в тёмное окно. Павел сообщил, что верхняя полка свободна, что он убрал вещи и что яблоко оказалось кислым. Нина не сразу сообразила, какое яблоко: пятничный показ уже казался далёким. Потом рассмеялась, и чужие люди вокруг перестали иметь такое большое значение.

4. До следующего сентября

В октябре, к приезду Павла, Нина купила вторую подушку. Первую выбрала мягкую, потом вернулась в магазин и обменяла на более плотную, хотя понятия не имела, на какой он спит. В квартире неожиданно обнаружилось множество вещей, способных выдать её не с лучшей стороны: стопка книг у батареи, чашка с неровно приклеенной ручкой, три пакета в коридоре, которые она собиралась разобрать с августа.

Пакеты Нина убрала. Чашку оставила.

Павел приехал в четверг утром на три дня. Он взял свободные дни, но привёз ноутбук и несколько распечаток: хотел спокойно посмотреть старые материалы перед началом проекта. У двери держался так, словно пришёл гораздо раньше назначенного, хотя Нина сама написала, чтобы ехал с вокзала сразу.

Она обняла его первой. Куртка пахла холодным воздухом, лицо было знакомым и в то же время немного другим. Им понадобились чай, завтрак и разговор о дороге, прежде чем исчезла странная осторожность, возникшая после десятков сообщений.

— Мне надо часа два поработать, — сказала Нина. — Потом освобожусь.

Он устроился на кухне. Через двадцать минут она вышла

за водой и застала его над распечаткой, прижатой сахарницей. Хотела предложить более удобное место, но увидела, что он занят, и вернулась к себе.

Два часа превратились почти в три. За стеной негромко звякнула посуда, потом стало тихо. Нина несколько раз прорывалась пойти извиниться, но всякий раз находила в тексте ещё одну неточность. Когда наконец закрыла ноутбук, Павел сидел у кухонного окна и читал её книгу с закладками из магазинных чеков.

— Я задержалась.

— Заметил. Суп разогреть?

Его спокойствие не освобождало её от неловкости, однако в нём не было скрытого счёта. Она обняла его сзади, положила подбородок на плечо. Он накрыл её руки своими, и несколько минут они не двигались возле подоконника, на котором сохли перевёрнутые стаканы.

В пятницу Нина повела его в издательство. Разбор с Алиной на этой неделе перенесли со среды, и отменять его не хотелось. Она предупредила, что Павел может уйти гулять, если ему станет скучно. Он ответил, что сначала попробует.

«Пятая полка» занимала три комнаты на втором этаже здания в глубине делового двора. Рядом висела вывеска инженерной фирмы «Мерка». Нина кивнула на неё:

— У нас тут и ваши есть.

Павел посмотрел на вывеску, но она уже тянула тяжёлую дверь подъезда и не заметила, ответил ли он.

Алина встретила их с чашкой в руке. Увидев Павла, приветливо улыбнулась, а Нине сразу протянула распечатку.

— Вот здесь женщина у тебя выходит из комнаты три раза. Между ними ни разу не входит.

— Это авторское, — сказала Нина.

— Тогда верни её автору.

Они сели за широкий стол. Павел устроился сбоку. Сначала следил за словами, потом — за тем, как меняется Нинино лицо, когда она слышит собственный текст вслух. Она морщилась, останавливала Алину, вычёркивала строку, вновь её вписывала. Ни одна не уступала только ради того, чтобы поскорее закончить. При этом через минуту после спора Алина протянула Нине половину печенья, и та взяла его, не отрываясь от страницы.

На одной фразе они застряли. Человек оставлял для другого место у окна, но по-русски выходило, что окно принадлежит ему.

— А он сам-то где сидит? — спросил Павел.

Обе посмотрели на него.

Нина перелистнула назад. Через несколько строк нашла ответ, зачеркнула ещё два слова и прочла заново.

— Вот теперь, — сказала Алина. — Приходите ещё.

Павел поднял ладони, отказываясь от незаслуженного назначения. Нина смеялась. Ей было приятно, что он увидел её здесь, за этим столом, где она не просто печатала что-то в ноутбуке, а спорила, ошибалась, находила решение вместе

с другим человеком.

Вечером они решили приготовить ужин. Павел взялся за картошку, Нина — за всё остальное. Оказалось, что она любит нарезать лук очень крупно, а он предпочитает мелко. Они успели минуту поспорить и только потом сообразили, что могут поделить сковороду. Лук всё равно перемешался. На вкус это не повлияло, и Павел, попробовав, ничего не сказал, чем заслужил Нинин внимательный взгляд.

— Не будете признавать мою правоту?

— Подожду второго ужина. Вдруг случайность.

После еды они пошли до набережной. Дома было уютно, но Нина боялась, что останется слишком мало времени поговорить. Завтра он уедет, и простые слова опять потребуют выбрать час, проверить связь, угадать, не устал ли другой.

Она спросила, что будет дальше.

Павел остановился у перил. С реки поднимался ветер, и он застегнул куртку до горла.

— Я хочу приезжать. И чтобы ты приезжала.

— Я тоже. Но потом?

Он вспомнил разговор под аркой и не стал отрываться тем, что слишком рано решать.

— У меня проект до следующего сентября. Давай попробуем этот год. Ездить друг к другу, жить вместе, сколько получится. А к концу решим, где будем жить постоянно.

Нина молчала. Год показался ей одновременно долгим и вполне обозримым. За год можно было закончить книгу,

взять следующую, посмотреть, как человек встречает тебя после тяжёлого дня. И нельзя было бесконечно объяснять себе, что настоящее ещё не началось.

— До конца сентября, — уточнила она. — Не «ещё немножко, пока всё устроится».

— До конца сентября. Только искать работу и город надо раньше.

— Конечно.

Они договорились чередовать поездки, насколько позволит работа. Не считать каждый приезд долгом, но и не оставлять одного всё время в дороге. Об отменах говорить сразу, как только станет понятно, что планы меняются. Павел предложил первым делом выбрать декабрьские дни для её приезда; Нина достала телефон, и они долго стояли рядом, листая каждый свой календарь.

— Потом жить вместе, — повторила она, убирая телефон.

— Да.

Павел представлял стол возле окна в своей второй комнате. Сейчас на нём лежали коробки и старые распечатки; всё это можно было разобрать за вечер. Нина увидела бы, что в Самаре у неё будет место, где спокойно работать, и не придётся сидеть среди его вещей. Он уже почти сказал об этом, но решил, что лучше показать, когда она приедет.

Нина думала о вывеске в издательском дворе. Разумеется, нельзя было предлагать Павлу первую попавшуюся фирму только потому, что она рядом. Однако инженерные ком-

паний в городе были, и до окончания его проекта оставалось достаточно времени, чтобы найти хорошую. Она прижалась к его плечу. Теперь предстоящая разлука имела конец, и можно было не испортить последний вечер разговорами о вакансиях.

На следующее утро они проспали завтрак. Торопились, мешали друг другу в узкой кухне, потом ели хлеб с сыром стоя. Павел искал зарядку; Нина нашла её за креслом и бросила ему, но он не поймал. Они одновременно нагнулись и стукнулись лбами. Нина рассмеялась первой, потом рассердилась, что он смеётся, пока она трёт ушибленное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.